

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Введение в античную мифологию	13
Греческие мифы	14
Греческие и римские источники мифологических сюжетов.....	22

ЧАСТЬ I

БОГИ, СОТВОРЕНИЕ МИРА, ПЕРВЫЕ ГЕРОИ

I. Боги	31
Титаны и двенадцать олимпийских богов.....	31
Двенадцать богов-олимпийцев состояли между собой в родстве.....	33
Другие боги Олимпа	48
Божества водной стихии	52
Подземное царство	53
Другие земные божества	54
Римские боги.....	59
II. Два великих бога — покровителя земли.....	62
Деметра (Церера).....	66
Дионис (Вакх)	72
III. Сотворение мира и людей	86
IV. Первые герои	101
Прометей и Ио.....	101
Европа.....	105
Циклоп Полифем.....	108
Цветочные мифы. Нарцисс, Гиацинт, Адонис.....	114

ЧАСТЬ II

ЛЕГЕНДЫ О ЛЮБВИ И ПОДВИГАХ

I. Амур и Психея.....	127
II. Восемь коротких историй о любви.....	137
Пирам и Фисба.....	137
Орфей и Эвридика.....	140
Кеик и Алкиона.....	144
Пигмалион и Галатея	147

Филемон и Бавкида.....	149
Эндимион.....	152
Дафна.....	153
Алфей и Аретуза.....	153
III. Поход аргонавтов за золотым руном.....	157
IV. Четыре мифа о знаменитых приключениях.....	174
Фэтон.....	174
Пегас и Беллерофонт.....	179
От и Эфиальт.....	183
Дедал.....	185

ЧАСТЬ III

ВЕЛИКИЕ ГЕРОИ, ЖИВШИЕ ДО ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

I. Персей.....	191
II. Тесей.....	201
III. Геракл.....	214
IV. Аталанта.....	231

ЧАСТЬ IV

ГЕРОИ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

I. Троянская война.....	243
Пролог. Суд Париса.....	244
Троянская война.....	245
II. Падение Трои.....	262
III. Приключения Одиссея.....	273
IV. Странствия Энея.....	298
Часть первая. Из Трои в Италию.....	299
Часть вторая. Путешествие в подземное царство.....	306
Часть третья. Война в Италии.....	311

ЧАСТЬ V

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ЦАРСКИЕ ДОМА

I. Дом Атрея.....	325
Тантал и Ниоба.....	326

Агамемнон и его дети.....	330
Ифигения в Тавриде.....	340
II. Фиванский царский дом.....	348
Кадм и его дети.....	348
Эдип.....	351
Антигона.....	356
Семеро против Фив.....	362
III. Афинский царский дом.....	368
Кекроп.....	369
Прокна и Филомела.....	370
Прокрида и Кефал.....	373
Орифия и Борей.....	374
Креуса и Ион.....	375

ЧАСТЬ VI

МЕНЕЕ ЗНАЧИМЫЕ МИФЫ

I. Мидас и другие.....	383
Асклепий.....	385
Данаиды.....	387
Главк и Сцилла.....	388
Эрисихтон.....	390
Помона и Вертумн.....	391
II. Короткие мифы в алфавитном порядке.....	393

ЧАСТЬ VII

СКАНДИНАВСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Введение.....	413
I. Сказания о Сигню и Сигурде.....	417
II. Скандинавские боги.....	423
Сотворение мира.....	429
Нордическая мудрость.....	433
Примечания.....	439
Об авторах.....	461
Предметно-именной указатель.....	462

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ГРАВЮРА I	
Зевс восседает на Олимпе	34
ГРАВЮРА II	
Похищение Персефоны (Прозерпины).....	68
ГРАВЮРА III	
Одиссей со спутниками в пещере циклопа	110
ГРАВЮРА IV	
Падение Фэтона с неба в объятый огнем колеснице.....	178
ГРАВЮРА V	
Медуза.....	198
ГРАВЮРА VI	
Минотавр и Тесей в лабиринте	204
ГРАВЮРА VII	
Аталанта и золотые яблоки.....	234
ГРАВЮРА VIII	
Путешествие Одиссея	286
ГРАВЮРА IX	
Эней и сивилла в ладье Харона	307
ГРАВЮРА X	
Гибель Имира и сотворение мира	430

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга по мифологии содержит материал, взятый из множества источников. Более двенадцати веков разделяют самых ранних поэтов, увековечивших в своих произведениях древние мифы и легенды, и авторов поздней Античности, поэтому иногда разные варианты одного и того же предания так же мало похожи друг на друга, как, например, «Золушка» на «Короля Лира». Объединить все мифы в одном сборнике — примерно то же самое, что составить однотомник всей английской классики от Чосера, баллад, Шекспира, Марлоу, Свифта, Дефо, Драйдена, Поупа и так далее до, скажем, Теннисона и Браунинга или даже, для полноты картины, до Киплинга и Голсуорси. Антология английской литературы получится гораздо более увесистой, чем свод мифов, но при этом ощутимо более однородной. Если на то пошло, у Чосера куда больше сходства с Голсуорси, а у баллад с Киплингом, чем у Гомера с Лукианом или у Эхила с Овидием.

Понимая это, я отказалась от любых попыток унифицировать источники. В противном случае пришлось бы, условно говоря, упрощать «Короля Лира» до «Золушки» (обратное, разумеется, невозможно) или пересказывать собственными словами сюжеты, не принадлежащие мне и уже когда-то изложенные великими в той манере, которую они сочли подобающей. Конечно, я не собираюсь замахиваться на подражание гениям прошлого. Моя задача куда скромнее — дать возможность почувствовать индивидуальность авторов, сумевших сберечь для нас предания и легенды. Я старалась показать различия между столь непохожими мастерами, как, например, Гесиод и Овидий: от подобного сборника читатели вправе ждать прежде всего максимальной близости к первоисточникам, а не просто занимательного пересказа.

Такой подход, я надеюсь, позволит тем, кто никогда не соприкасался с античной литературой, не только познакомиться с мифологическими сюжетами, но и получить некоторое представление о тех, кто их излагает, — великих авторах, чье бессмертие подтверждают два с лишним минувших тысячелетия.

ЖИФФ

ЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ В АНТИЧНУЮ МИФОЛОГИЮ

С давних пор, еще после отделиения от варваров, эллины отличались большим по сравнению с варварами благоразумием и свободой от глупых суеверий'.

Геродот. История (Книга I, глава 60)

Принято считать, будто древнегреческие и древнеримские мифы отражают образ мышления и мировосприятия, свойственный нашим далеким предкам, жившим в незапамятные времена. Согласно этой расхожей точке зрения, по мифологическим сюжетам можно проследить пройденный человеком путь от абсолютного слияния с природой к полному отрыву от нее, то есть к цивилизации. В рамках такого подхода мифы интересны прежде всего тем, что позволяют нам перенестись в ту пору, когда мир был еще юным, а люди имели такую тесную связь с землей, деревьями, морем, цветами, холмами, какую мы уже не способны ощутить. Когда создавались мифологические сюжеты, человек якобы еще слабо отличал действительность от вымысла. Разум не сдержи-

вал буйство воображения, поэтому в лесных дебрях любой мог разглядеть мелькнувшую за деревьями нимфу, а в прозрачной воде родника — лик наяды.

О возвращении к этому идиллическому первозданному состоянию грезят почти все, кто так или иначе обращается в своих сочинениях к античной мифологии, в первую очередь поэты. В те невообразимо давние времена

*Своей наивной верой вдохновенный,
Я в мире так бы не был одинок:
Протей вставал бы предо мной из пены
И дул Тритон в свой перевитый рог!**

Сквозь призму мифа нам предлагается заглянуть краем глаза в мир, населенный удивительными, прекрасными созданиями.

Однако достаточно задуматься об укладе и образе жизни нецивилизованного дикаря в каких угодно краях какой угодно эпохи, и эти романтические иллюзии развеются сами собой. Совершенно очевидно, что ни один дикарь, будь то в современной Новой Гвинее или в первобытном племени тысячи лет назад, не стал бы расцветивать окружающую действительность радужными красками и наполнять чудесными видениями. В глухой доисторической чаще жили страхи и опасности, а не прелестные нимфы и наяды. Там обитал Ужас со своей неизменной приспешницей Магией и ее самым привычным орудием — ритуальным убийством. В стремлении уберечься от гнева вездесущих божеств люди уповали главным образом на колдовские обряды, бессмысленные, но заставлявшие трепетать, или на жертвоприношения, оплаченные болью и страданиями.

ГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ

Сюжеты античной мифологии бесконечно далеки от этой мрачной картины, и узнать, как древние воспринимали окружающий мир, из греческих мифов вряд ли удастся. Неслучайно антропологи редко обращаются к ним в своих исследованиях.

Разумеется, греки вышли из той же первобытной скверны. Разумеется, когда-то и они были дикими, примитивными, неотесанными, свирепыми и кровожадными. Но, читая мифы, мы видим, как высоко греки поднялись над доисторической дремучестью и зверством к моменту создания первых дошедших до нас творений. От былого там остался лишь едва уловимый отзвук.

Мы не знаем, когда эти истории обрели свой нынешний вид, но очевидно, что к тому времени первобытный уклад остался далеко в прошлом. Известные нам греческие мифы — это произведения великих поэтов. Самым ранним литературным памятником эпохи Античности выступает «Илиада». Классическая греческая мифология начинается с Гомера, жившего, как принято считать, не позже чем за тысячу лет до Христа. «Илиада» — древнейший образец (или совокупность образцов) греческой литературы, изумляющий богатством, изяществом и красотой языка, который оттачивался столетиями в стремлении людей к точности и совершенству выражения своих мыслей и чувств, а это неоспоримое доказательство развитой культуры. Греческие мифы не дают представления о первобытном состоянии всего человечества, зато очень ярко показывают, какими были сами древние греки, что гораздо важнее для нас как наследников их интеллектуальных, эстетических и даже политических традиций. Все, что мы узнаем об эллинах, не чуждо и нам.

Часто говорят о «греческом чуде», подразумевая, что с возникновением греческой культуры родился новый мир. «Древнее прошло, теперь все новое»¹. Примерно это и случилось в Греции.

В отличие от египтян греки создавали богов по своему образу и подобию. Почему и когда именно они стали это делать, неизвестно. Но совершенно очевидно, что в произведениях самых ранних греческих поэтов угадывается новое мировоззрение, немыслимое для предшественников, но уже абсолютно неотделимое от следующих поколений. Благодаря Древней Греции человечество стало центром мироздания, главной его составляющей. Произошел коренной переворот в мышлении. До тех пор человек был никем. В Греции он впервые осознал себя частью человечества.

Греки очеловечили богов. До них такое никому в голову не приходило. Прежние боги, созданные другими древними культурами, не имели ни малейшего сходства с окружающей человека дей-

ствительностью и резко отличались от подлинных живых существ. Исполинские египетские колоссы, которых никакое воображение не в силах наделить подвижностью, — такие же безжизненные каменные изваяния, как величественные храмовые колонны. Эти монументальные истуканы с очертаниями человеческого тела намеренно лишены человеческих черт. Или вот застывшая, лишенная пластичности фигура женщины с головой кошки, знаменующая собой непоколебимую, нечеловеческую беспощадность. Или чудовищный загадочный сфинкс, далекий от всего живого. В Месопотамии на барельефах изображены диковинные существа, подобных которым не отыскать в природе, — люди с птичьими головами и львы с головами быков, и у всех этих странных особей орлиные крылья. Скульпторы стремились явить миру доведенную до крайности нереальность, никем не виданных созданий, порожденных исключительно фантазиями мастеров.

Именно таким фантазмагорическим божествам поклонялся догреческий мир. Достаточно мысленно сравнить с ними статую любого греческого бога, пленяющего своей естественной красотой, и сразу будет ясно, в чем заключалась новая идея, предложенная греками. С ее возникновением мир стал рациональным.

Апостол Павел утверждал, что невидимое нужно постигать через видимое. Это не иудейская идея, а греческая. Во всем Древнем мире видимое заботило только греков, которые находили воплощение своих замыслов в окружающей их действительности. Наблюдая за атлетами во время состязаний, скульптор осознал, что ничего прекраснее этих сильных молодых тел он вообразить не сумеет, и приступал к работе над статуей Аполлона. Выхватив взглядом из толпы прохожих юношу «с девственным пухом на свежих ланитах, в прекрасном младости цвете»², сказитель являл нам Гермеса. Греческие художники и поэты понимали, насколько прекрасен может быть человек в своем первозданном облике — сильный, быстрый, ловкий. Искать что-то более совершенное им было незачем. Они не собирались черпать вдохновение в дебрях своих фантазий. Греческое искусство и мысль сосредоточились на человеке.

Небеса, населенные антропоморфными обитателями, стали ближе и роднее. Греки знали там каждый уголок, отлично представляли, чем занимаются небожители, что едят и пьют, где устраивают

пиры, как развлекаются. Это, впрочем, не отменяло страха: боги были могущественными и очень опасными в гневе. Однако, соблюдая определенную осторожность, с бессмертными вполне удавалось ужиться. И даже позволить себе посмеяться над ними. Особенно над Зевсом, вечно терпевшим неудачи в попытках скрыть от супруги свои похождения. У греков он был самым любимым объектом для подтрунивания. Типичным комическим персонажем выступала и его ревнивая жена Гера. Ухищрения, на которые она шла, чтобы вывести супруга на чистую воду и покарать соперницу, греков не отталкивали, а, наоборот, чаще всего забавляли, как забавляют нас аналогичные затеи ее нынешних подруг по несчастью. Такие сюжеты вызывали у людей отклик, настраивали на дружелюбное отношение к богам. Если рядом с египетским сфинксом или ассирийским птицевером веселье было немыслимо, то на Олимпе оно выглядело вполне уместным и приближало богов к людям.

Не только небожители, но и низшие земные божества обладали чрезвычайно привлекательными человеческими чертами. В облике прелестных юношей и девушек они резвились в лесах, реках и морях, пребывая в абсолютной гармонии с цветущей землей и лазурными водами.

В этом и состоит чудо греческой мифологии — в гуманизации мира и освобождении от парализующего страха перед всемогущим неведомым. Греки распрощались и с кошмарными исчадиями, которые обожествлялись у прочих народов, и с жуткими духами, заповолявшими землю, воздух и море. Как это ни парадоксально звучит, сочинители мифов, несмотря на подчас невероятную фантастичность сюжетов, не испытывали тяги к иррациональному и любили факты. Если вчитаться внимательно, выяснится, что даже самые немыслимые события развиваются на совершенно обыденном, хорошо узнаваемом фоне. Дом Геракла, вся жизнь которого бесконечное сражение с невообразимыми чудовищами, по преданию, располагался в Фивах. На побережье острова Кифера, где из морской пены родилась Афродита, мог навеститься любой желающий. Крылатый конь Пегас, весь день паривший под облаками, ночевать отправлялся в уютную коринфскую конюшню. Привязка к знакомому и привычному придавала мифологическим персонажам некоторую реальность. Наивно? А вы задумайтесь, насколько более надеж-

ным и осмысленным выглядит осязаемый антураж по сравнению, например, с возникновением джинна из ниоткуда, когда Аладдин трет лампу, и исчезновением в никуда после исполнения желания.

В классической античной мифологии не осталось места устрашающему иррациональному. Магия, такая могущественная до и после древних греков, в их эпоху сошла на нет. Колдовскими сверхъестественными способностями обладают лишь две женщины (и никто из мужчин). Ни демонические чернокнижники, ни безобразные ведьмы, державшие в страхе Европу и Америку вплоть до относительно недавнего времени, в греческих сюжетах никакой роли не играют. Единственные волшебницы, Медея и Цирцея (греческая Кирка), молоды и ослепительно прекрасны, то есть вызывают восхищение, а не ужас. Астрология, владеющая умами людей со времен Древнего Вавилона до наших дней, античной Греции была неведома. Историй о звездах у греков хватает, однако ни о каком влиянии небесных светил на человеческую жизнь нет и речи. Из наблюдений за звездным небом у них рождается только астрономия. Ни в одном сюжете мы не найдем жреца-чародея, перед которым все трепещут, поскольку он умеет и снискать расположение богов, и настроить их против человека. Такие жрецы встречаются в мифах редко и маячат где-то на самом дальнем плане. Когда главного героя «Одиссеи» на коленях молят о пощаде жрец-жертвогадатель и поэт-песнопевец, Одиссей без раздумий убивает жреца, но оставляет в живых поэта. По словам Гомера, герой не отваживается предать смерти того, чью «душу согрели вдохновением боги». Не священнику, а поэту дано воздействовать на богов, но он ни для кого не представляет опасности. Не встречаются в греческих мифах и блуждающие по земле призраки, духи умерших, которых другие народы привыкли бояться и почитать. «Жалкие мертвецы»³, как зовет их Гомер, греков не пугали.

Мир греческих мифов далек от того, чтобы держать человека в постоянном страхе. Да, боги бывают катастрофически непредсказуемы. Никогда не знаешь, куда ударит молния Зевса-громовержца. И все же весь олимпийский пантеон, за редким и, как правило, малозначимым исключением, пленял совершенно человеческой красотой, которой человеку было бы странно бояться. Ранние гре-

ческие мифотворцы превратили мир, полный страха, в царство прекрасного.

Тем не менее и в этой радужной картине есть много темных мест. Преобразование сонма божеств шло медленно и до конца не завершилось. Долгое время во всем, кроме внешнего облика, очеловеченные боги были далеки от идеала, не слишком отличаясь поведением от тех, кто их почитал. Да, небожители были гораздо привлекательнее и могущественнее людей и, разумеется, обладали бессмертием, однако зачастую совершали абсолютно непозволительные для благочестивого человека поступки. Гектор в «Илиаде» выглядит несравненно благороднее любого из небожителей, а Андромаха — достойнее и Афины, и Афродиты. Гера из тех богинь, в ком крайне мало человечности. Почти любой из сиятельных богов, кого ни возьми, способен на жестокость и подлость. И в гомеровский период, и намного позже представления о добре и зле на Олимпе оставались весьма ограниченными.

Хорошо заметны в этой картине и другие мрачные тени — следы архаического прошлого, когда боги были звероподобными. О нем напоминают козлоногие сатиры и полулюди-полукони кентавры. Геру часто называют «волооккой». Она словно пронесла этот эпитет через весь процесс превращения из обожевленной коровы в верховную богиню, имеющую абсолютно антропоморфные черты. Некоторые сюжеты обнаруживают явную связь с эпохой жертвоприношений. Однако поразительны вовсе не отголоски диких верований сами по себе — удивляет их немногочисленность.

Мифические чудовища, безусловно, предстают в самых невероятных обликах. Это и горгоны, и гидры, и химеры. Но они нужны лишь для того, чтобы показать героя-победителя во всем блеске его славы. Что ему делать без чудовищ? Кого повергать в прах? Не исключено, что великий мифологический герой Геракл — олицетворение самой Греции: он сражался с чудовищами и освободил от них землю, как Греция освободила остальной мир от чудовищной идеи превосходства нечеловеческого над человеческим.

Хотя греческая мифология состоит в основном из историй о богах и богинях, не следует воспринимать ее как своего рода Библию и изложение догматов греческой религии. Согласно последним трактовкам, подлинный миф не имеет с религией ничего

общего. Это способ в иносказательной форме истолковать явления природы, объяснить, как возникло мироздание и отдельные его элементы: люди, животные, то или иное дерево либо цветок, солнце, луна, звезды, откуда берутся бури, извержения, землетрясения — словом, все сущее и происходящее. Громы и молнии мечет Зевс-громовержец. Вулкан извергается оттого, что заточенное в недрах горы чудовище рвется на волю. Созвездие Большой Медведицы не уходит за горизонт, потому что когда-то на него разгневалась богиня и запретила опускаться в море. Мифы — это предшественники науки, первые попытки человека разобраться в том, что он видел вокруг. Однако в обширной коллекции мифов много и таких, которые ничего не объясняют. Это просто занимательные истории вроде тех, которые обычно рассказывают, чтобы скоротать время долгими зимними вечерами. К ним относятся, например, не связанный ни с какими событиями в природе миф о Пигмалионе и Галатее, сказание о походе аргонавтов за золотым руном, легенда об Орфее и Эвридике и масса других. Теперь это общепризнанный факт, поэтому можно больше не выискивать в каждом женском персонаже олицетворение луны или зари, а в событиях жизни героя — солярный миф. Из древних преданий рождалась не только наука, но и литература.

Между тем религия в мифах в известной мере все-таки присутствует. Пусть не на переднем плане, однако вполне ощутимо. В греческой литературе от Гомера до великих трагиков и даже более поздних авторов постепенно углублялось осознание того, что нужно человеку и что он должен ожидать от своих богов.

Зевс-громовержец когда-то, по всей вероятности, был богом дождя. Он главенствовал даже над солнцем, поскольку каменистая греческая земля нуждалась в дождях больше, чем в солнечном свете, а значит, претендовать на роль верховного бога мог в первую очередь тот, в чьих силах было напоить поля живительной влагой. Но Зевс у Гомера не природное явление. Это антропоморфный персонаж, обитающий в мире, куда уже проникла цивилизация, и, разумеется, имеющий представление о добре и зле. Представление довольно примитивное, надо сказать, и в основном применимое к другим, а не к себе, но все-таки его хватает, чтобы карать лгунов и клятвопреступников, гневаться на непочтительное обра-

щение с мертвыми, сочувствовать и помогать Приаму, когда тот идет к Ахиллу со слезной мольбой. В «Одиссее» Зевс поднимается на ступень выше. Один из персонажей поэмы, старый свинопас, говорит, что нищих и странников к нему приводит Зевс и отказать в помощи убогому означает нарушить волю Громовержца. Как утверждает Гесиод в строках, написанных ненамного позже гомеровских, а может быть, и одновременно с ними, тот, кто обидит просителей, странников или сирот, «вызовет гнев самого Кронида»⁴.

Затем спутницей Зевса стала Справедливость. Это было новое понятие. Вожди-завоеватели в «Илиаде» справедливости не хотели: они стремились присвоить все, что приглянется, по праву сильного, поэтому желали бога, который благоволит сильным. Гесиод же, как земледелец, живший среди бедняков, понимал, что необходим другой бог, справедливый. «Звери, крылатые птицы и рыбы, пощады не зная, / Пусть поедают друг друга: сердца их не ведают правды. / Людям же правду Кронид даровал — высочайшее благо»⁵, — писал Гесиод, отводя Справедливости место на троне рядом с Громовержцем. Эти строки свидетельствуют о том, что страдания обездоленных достигли небес и покровитель сильных превратился в защитника слабых.

За историями о Зевсе любвеобильном, Зевсе боязливом, Зевсе комичном проступает совсем иной образ, формирующийся по мере того, как люди стали глубже понимать требования, предъявляемые жизнью, и осознавать, что нужно человеку от бога, которому он поклоняется. Этот Зевс постепенно вытесняет своих предшественников, пока не завладевает авансценой безраздельно. Как писал на рубеже I–II вв. н. э. Дион Хрисостом, теперь он «наш Зевс», превратившийся в «подателя дыхания, жизни и всех благ, отца, спасителя и хранителя всех людей»⁶.

В «Одиссее» говорится, что «все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду»⁷, а сотни лет спустя Аристотель скажет: «Добродетель, многотруднейшая для смертного рода, краснейшая добыча жизни людской»⁸. У греческих авторов, вдохновлявшихся мифологическими сюжетами, с самого начала присутствует представление и о божественном совершенстве, и о добродетели. Неодолимая тяга к этим высоким идеалам побуждала поэтов неустанно трудиться

над созданием их зримого воплощения, что и привело в конце концов к трансформации Громовержца в «отца и бессмертных и смертных»⁹.

ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ ИСТОЧНИКИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ

Главным литературным источником для большинства книг об античной мифологии служат произведения римского поэта Овидия, творившего во времена правления императора Августа. Его поэмы — готовая мифологическая антология. По охвату материала с ним не сравнится никто из древних авторов, он пересказал почти все и довольно пространно. Среди сюжетов, знакомых нам по литературе и искусству, есть такие, которые дошли до нас только в его изложении. В своей книге я стараюсь обращаться к нему как можно меньше. Овидий, безусловно, прекрасный поэт и замечательный рассказчик, способный оценить мифы по достоинству и увидеть в них великолепную основу для своего творчества, однако смотрит он на них даже еще более отстраненно, чем мы сегодня. Овидий считает их нелепыми вымыслами.

*Что чудеса поминать, измышления древних поэтов? —
Этих чудес не видал и не увидит никто...¹*

По сути, он говорит читателю: «Это ничего, что они несуразны. Я их приукрашу, и будет просто загляденье». И действительно получается красиво, но в его руках сюжеты, которые для древнегреческих поэтов, таких как Гесиод и Пиндар, были непреложной правдой, а для древнегреческих трагиков — проводниками глубокой религиозной истины, превращались в литературные безделицы, занимательные истории, местами остроумные и увлекательные, но чаще сентиментальные и утомительно риторичные, тогда как греческим сочинителям риторизм не свойствен и от сентиментальности они заметно далеки.

Список первостепенных авторов, сохранивших для нас мифологические сюжеты, довольно краток. Возглавляет его, разумеется, Гомер. «Илиада» и «Одиссея» представляют собой (точнее, содержат) древнейшие памятники греческой литературы. Датировать с точностью какую бы то ни было их часть не представляется возможным. Разногласия по этому поводу в научной среде слишком огромны, и к единому мнению ученые вряд ли когда-нибудь придут. Приемлемой отправной точкой, по крайней мере для «Илиады», более древней из двух поэм, можно считать 1000 г. до н. э.

Второго автора в предлагаемом списке, Гесиода, относят то к IX, то к VIII в. до н. э. Он был бедным земледельцем, перенес немало лишений и тягот. Его поэма «Труды и дни», которая учит людей достойно справляться с жизненными невзгодами, бесконечно далека от изысканного великолепия «Илиады» и «Одиссеи». Но Гесиоду есть что сказать и о богах. Вторая приписываемая ему поэма, «Теогония», целиком и полностью посвящена мифологии. Если авторство Гесиода не ошибка, значит, простой крестьянин, трудившийся в глуши, вдали от городов, первым из греков задумался о том, как появился окружающий мир, небеса, боги, люди, и предложил свое объяснение. Гомер подобными вопросами не задавался. «Теогония» же повествует о возникновении вселенной и нескольких поколений богов, поэтому играет очень важную роль в мифологической традиции.

Следующую строку в перечне источников занимают так называемые «гомеровские гимны», воспевающие различных богов. Определить время их написания затруднительно, однако большинство ученых датирует самые ранние из этих гимнов концом VIII — началом VII в. до н. э. Последний из значимых гимнов (всего их насчитывается тридцать три) был создан в Афинах в V или в IV в. до н. э.

Пиндар, величайший лирический поэт Древней Греции, начал творить в конце VI в. до н. э. Он слагал оды в честь победителей состязаний на великих общегреческих празднествах, и в каждой из них присутствует либо мифологический сюжет, либо аллюзии на мифы. Для мифологии Пиндар не менее ценен, чем Гесиод.

Современником Пиндара был Эсхил, старший из трех крупнейших поэтов-трагиков. Остальные двое, Софокл и Еврипид, родились несколько позже; самый поздний из них, Еврипид, умер в кон-

це V в. до н. э. За исключением «Персов» Эсхила, прославляющих победу греков над персами при Саламине, все трагедии основаны на мифологических сюжетах. Вместе с гомеровскими «Илиадой» и «Одиссеей» эти произведения составляют главнейший корпус источников, из которых мы черпаем наши знания об античной мифологии.

К мифам часто обращаются великий древнегреческий комедиограф Аристофан, живший на рубеже V–IV вв. до н. э., а также два великих писателя — Геродот, «отец истории», первый европейский историк, современник Еврипида, и философ Платон, принадлежащий следующему поколению.

На середину III в. до н. э. приходится творчество александрийских поэтов, названных так потому, что в этот период центр греческой литературы перемещается из Греции в Александрию Египетскую. Аполлоний Родосский пространно повествует о походе аргонавтов за золотым руном, попутно подключая ряд других мифов. И он, и трое других александрийцев, также осваивавших мифологическую ниву, — поэты-буколики Феокрит, Бион и Мосх — утратили простоту Гесиодовой и Пиндаровой веры в богов и оставили далеко позади глубину и торжественность религиозных воззрений великих трагиков, однако до фривольности Овидия все же не дошли.

Значительный вклад в обработку мифологических сюжетов вносят два автора, творившие во II в. н. э., — римлянин Апулей и грек Лукиан. Всем нам знакомый миф об Амуре и Психее присутствует только у Апулея, напоминающего писательской манерой Овидия. Лукиан же самобытен и не похож ни на кого. Он высмеивает богов. В его время они стали объектом сатиры. Однако это не мешало Лукиану мимоходом сообщать нам массу ценных сведений.

Еще один грек, Аполлодор², делит с Овидием звание самого всеохватного из древних сочинителей, но в отличие от римского поэта он пишет слишком пресно и скучно, поскольку чрезмерно привержен фактам. В какую эпоху жил Аполлодор, вопрос спорный. Исследователи датируют его творчество в широком временном диапазоне — от I в. до н. э. до IX в. н. э. По мнению английского ученого Джеймса Джорджа Фрэзера, этот писатель принадлежит либо к I, либо ко II в. н. э.

Греку Павсанию, увлеченному путешественнику и автору первого в истории путеводителя, всегда находилось что сказать о мифологических событиях, связанных с местами, которые ему довелось посетить. Притом что жил Павсаний во II в. н. э., всем сюжетам он верит безоговорочно и пересказывает их с абсолютной серьезностью.

Особняком среди римских писателей стоит Вергилий. В историческую подлинность мифов он верит не больше своего современника Овидия, но находит в них психологическую правду и знание человеческой природы. Ему, как никому другому со времен греческих трагиков, удастся вдохнуть жизнь в образы своих мифологических персонажей.

К мифам обращались и другие римские поэты. Несколько сюжетов есть у Катуллы, частые ссылки на мифы встречаются у Горация, но ни тот ни другой для мифологии не примечательны. Для римлян все эти истории не более чем предания глубокой старины, смутные тени далекого прошлого. Лучшие проводники в мир греческой мифологии — греческие авторы, верившие в то, о чем писали.

ЧАСТЬ

I

БОГИ

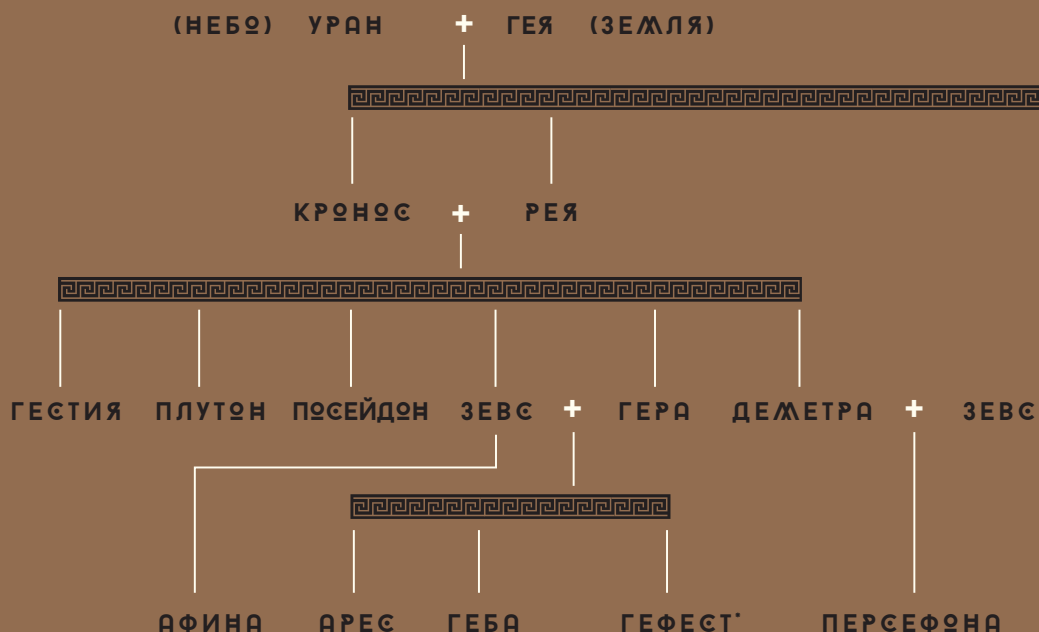
СОТВОРЕНИЕ
МИРА

ПЕРВЫЕ ГЕРОИ

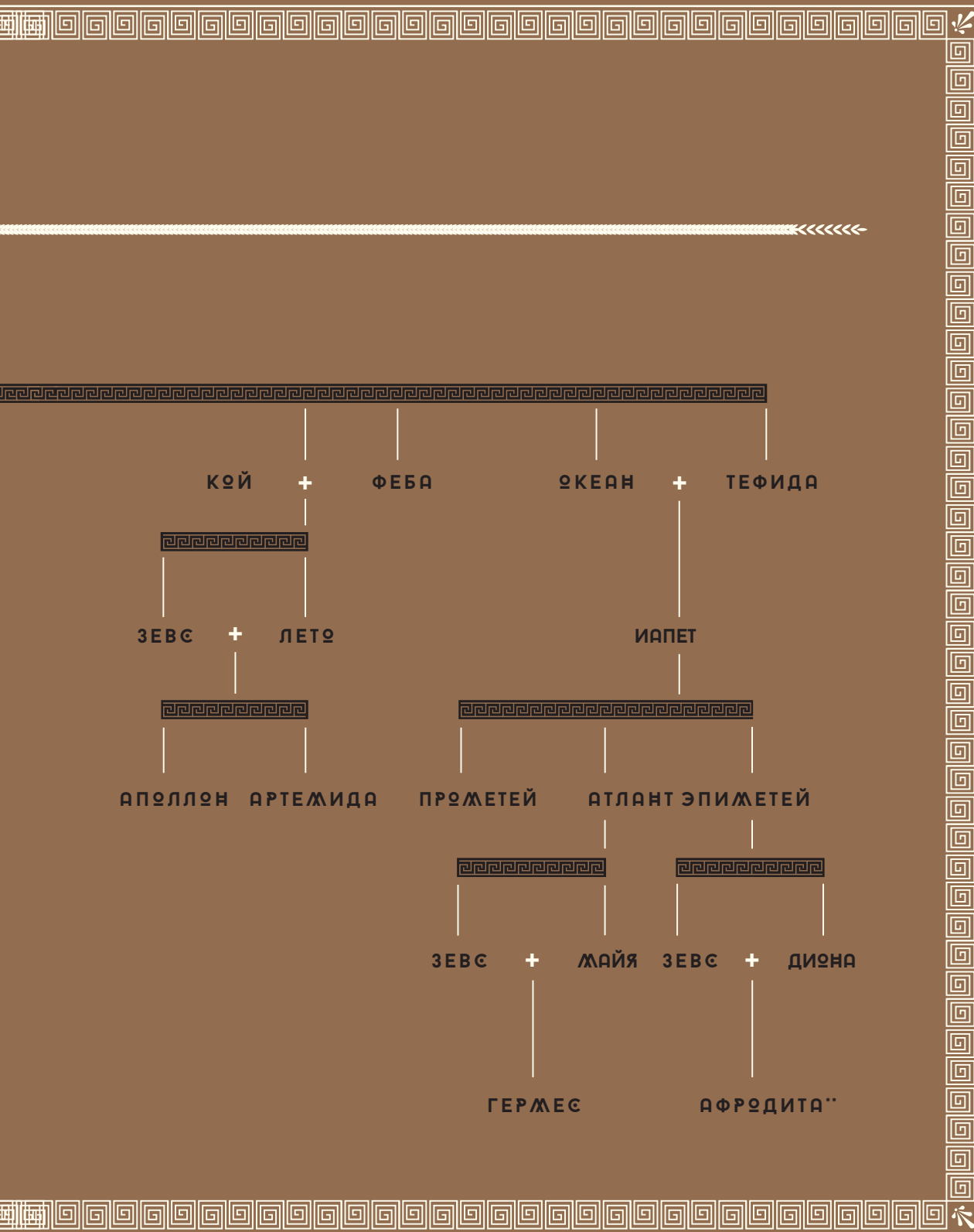

ГЛАВНЫЕ БОГИ

* Гефест — сын Геры и Зевса; по другим версиям, был зачат Герой единолично, без участия Зевса.

** Афродита — согласно Гесиоду, родилась из морской пены.

I

БОГИ

*Туманные осколки древней славы,
Останки бранные божественного сонма,
Хранящие дыханье родины далекой —
Навеки канувших чертогов облачных Олимпа¹.*

Греки считали, что не боги создали вселенную, а как раз наоборот — вселенная сотворила богов. Сначала появились Мать-Земля и Отец-Небо. Они-то и стали прародителями остальных божеств: детьми их были титаны, а внуками — олимпийские боги.

ТИТАНЫ И ДВЕНАДЦАТЬ ОЛИМПИЙСКИХ БОГОВ

Титаны, называемые также старшими богами, господствовали во вселенной целую вечность. Они обладали громадными размерами и невероятной силой. Титанов было много, однако в мифологических сюжетах фигурируют лишь несколько. Верховным среди них считался **КРОНОС** (римский Сатурн). Он правил титанами, пока его не сверг собственный сын **ЗЕВС** (римский Юпитер), который

после захвата власти подчинил себе всех богов. Римляне утверждали, что низложенный Сатурн бежал в Италию, где с его появлением наступил золотой век, эпоха абсолютного мира и счастья, длившаяся до окончания царствования Сатурна.

Другими известными титанами были: **ОКЕАН**, мировой водный поток, окружающий земную твердь; его супруга **ТЕФИДА**; **ГИПЕРИОН**, отец солнца, луны и зари; **МНЕМОЗИНА**, богиня памяти; **ФЕМИДА**, олицетворение правосудия; и **ИАПЕТ**, отец прославленных сыновей — **АТЛАНТА**, держащего на плечах весь мир, и спасителя человечества **ПРОМЕТЕЯ**. Все они, кроме Иапета, относились к числу тех архаических божеств, которые с воцарением Зевса не подверглись изгнанию, но свое прежнее высокое положение все же утратили.

Двенадцать великих олимпийских богов главенствовали над остальными божествами, пришедшими на смену титанам. Олимпийскими они назывались по месту своего обитания — Олимпу, хотя, что такое Олимп, сказать сложно. Изначально, вне всякого сомнения, его воспринимали как гору, которую обычно отождествляли с самой высокой вершиной Греции — Олимпом в Фессалии, на северо-востоке страны. Но уже в древнейшей греческой поэме «Илиаде» это представление постепенно вытесняется образом Олимпа как некоей таинственной обители, расположенной выше любой из земных гор. Когда в «Илиаде» Зевс обращается к богам, «на высшей главе многохолмного сидя Олимпа»², речь явно идет о горном кряже. Однако всего через несколько строк Громовержец грозитя подвесить и землю и море на золотой цепи, прикрепленной к вершине Олимпа, который здесь уже никак не гора. Но и не небеса. У того же Гомера Посейдон напоминает, что он властвует над морем, Аид — над преисподней, Зевс — над небом, но «общую всем остается земля и Олимп многохолмный»³.

На Олимп, чем бы он ни был в действительности, вели огромные облачные врата, охраняемые орами — богинями времен года. За вратами находились священные чертоги — там боги жили, спали, пировали, вкушая нектар и амброзию, наслаждались игрой Аполлона на лире. Это было царство полного покоя и блаженства, как пишет Гомер, «где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный, где не подымлет метелей зима, где безоблачный воздух легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнут»⁴.

**ДВЕНАДЦАТЬ БОГОВ-ОЛИМПИЙЦЕВ
СОСТОЯЛИ МЕЖДУ СОБОЙ
В РОДСТВЕ.**

(1) **ЗЕВС** (ЮПИТЕР), *глава семейства;*

два его брата:

(2) **ПОСЕЙДОН** (НЕПТУН)
и (3) **АИД**, *называемый также Плутоном;*

(4) **ГЕСТИЯ** (ВЕСТА), *их сестра;*

(5) **ГЕРА** (ЮНОНА), *супруга Зевса,*
и (6) **АРЕС** (МАРС), *их сын;*

дети Зевса:

(7) **АФИНА** (МИНЕРВА),
(8) **АПОЛЛОН**,
(9) **АФРОДИТА** (ВЕНЕРА),
(10) **ГЕРМЕС** (МЕРКУРИЙ)
и (11) **АРТЕМИДА** (ДИАНА),

а также сын Геры

(12) **ГЕФЕСТ** (ВУЛКАН),
иногда называемый общим сыном Геры и Зевса.

ГРАВИЮРА I.

Зевс восседает на Олимпе

З Е В С

(Ю П И Т Е Р)

Власть над миром Зевс с братьями поделили по жребию. Посейдону досталось море, Аиду — подземное царство. Зевс стал верховным правителем. Он был владыкой небес, богом дождя, тучегонителем и громовержцем, метавшим страшные молнии. Могуществом и силой Зевс превосходил всех остальных богов, вместе взятых. В «Илиаде» он заявляет олимпийскому семейству:

*...держайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьтесь по ней; но совлечь не сможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, —
С самой землею и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обовью; и вселенная вся на высоких повиснет —
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!⁵*

Тем не менее ни всемогуществом, ни всеведением Зевс не обладает. Его можно обмануть, с ним можно вступить в противоборство. В «Илиаде» его обводят вокруг пальца и Посейдон, и Гера. Иногда подчеркивается, что даже ему приходится подчиняться загадочной силе под названием Судьба или Рок. Гомер показывает, какое недовольство вызывает у Геры намерение Зевса спасти человека, которому судьбой предначертано погибнуть⁶.

Зевс предстает как любвеобильный бог, который увлекается то одной женщиной, то другой и всячески изворачивается, чтобы скрыть свои измены от супруги. Приписывание подобного поведения самому могущественному из богов исследователи объясняют тем, что мифологический Зевс — образ собирательный, объединяющий в себе множество разных божеств. Когда культ Зевса распространялся там, где уже имелся собственный небесный покровитель,

